

## CONTENTS

### Social History of Science and Education

- Galina I. Smagina*. “The First Responsibility I Have to Myself is the Glory and Prosperity of the Academy”: to the 275<sup>th</sup> Anniversary of the Director of the Academy of Sciences, Princess Ekaterina Romanovna Dashkova..... 7
- Mikhail B. Konashev*. Lysenkoism as “a White Spot” in “Social History of Science”. Part 3. In a Mirror of Encyclopedias and Reference Books..... 23

### Scientific Journals

- Natal'ya G. Popova, Anatolii V. Merenkov, Denis V. Shkurin*. National Specifics of Russian Scientific Journals in the Context of their Advancement into International Abstract and Citation Databases..... 31
- Oleg V. Mikhailov*. Phenomenon of “Garbage Journals as a Direct Effect of Science Commercialization..... 49
- Alexander V. Shkurko*. How many Knowledge Claims are there in a Scientific Text? A Study of three Neuroscientific Articles’ content as reflected in the Citing Publications ... 64

### Social Networks, Careers and Mobility of Researchers

- Irina M. Panchenko*. Social Networks as a New Form of Communication: Benefit or Danger to Society?..... 79
- Eugene V. Shukhno*. Organizational Culture of the State Scientific Institutions and its Role in Career of Young Scientists..... 88
- Viktoriya S. Dimova, Dar'ya A. Lyagushkina*. The New Understanding of Mobility in Terms of Charging Practices..... 106

### In Memoriam

- Valentina Mixailovna Lomovitskaya..... 122

- Information for Authors and Requirements for the Manuscripts for the Journal “Sociology of Science and Technology”**..... 124

- In the Next Issue**..... 128

## СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

*ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА*

доктор исторических наук,  
главный научный сотрудник  
Санкт-Петербургского филиала  
Института истории естествознания  
и техники им. С. И. Вавилова РАН;  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: galsmagina@yandex.ru



УДК 001 (092)

DOI: 10.24411/2079-0910-2018-00001

### «Первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии»: К 275-летию директора Академии наук княгини Е. Р. Дашковой

Сподвижница Екатерины II, директор Петербургской академии наук, президент Российской академии княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) — одна из выдающихся женщин России XVIII столетия. Почти 12 лет она возглавляла главное научное учреждение страны — Петербургскую академию наук. Статья посвящена этому наиболее активному и творческому периоду государственной и общественной деятельности княгини. На основе новых архивных материалов рассматриваются основные направления научно-организационной, учебно-просветительской, административной и издательской деятельности Академии наук под руководством Е. Р. Дашковой. Основное внимание сосредоточено на рассмотрении взаимоотношений «госпожи директора» с учеными и государственными деятелями того времени по академическим проблемам. Показано, как, придя в Академию, княгиня Дашкова старалась создать благоприятные условия для работы ученых, проявляла постоянное внимание к результатам их научных исследований, стремилась улучшить их социальное и материальное положение, как при ней ученые впервые стали получать государственные награды, как впервые в истории Академии по инициативе Е. Р. Дашковой были основаны три благотворительные фонда: первый — для оплаты академиков, читавших летом 1785—1802 гг. на русском языке публичные лекции для всех желающих, второй — для развития академической гимназии, третий — пенсионный фонд. При ней было построено новое здание Академии (сейчас в нем размещается Санкт-Петербургский научный центр РАН). Показано, что Дашкова смогла понять значение М. В. Ломоносова в истории русской культуры и инициировать проведение ряда начинаний по сохранению памяти о Ломоносове и распространению знаний о нем: было подготовлено и издано первое академическое собрание сочинений в 6 томах (СПб., 1784—1787), создана полная для того времени биография ученого, началось изучение

его эпистолярного наследия, художник Л. С. Миропольский по распоряжению Дашковой создал для конференц-зала Академии один из лучших портретов ученого.

**Ключевые слова:** княгиня Екатерина Романовна Дашкова, Петербургская академия наук, директор Академии, Российская академия, С. Г. Домашнев, И. А. Эйлер, вотум доверия, организатор науки.

24 января 1783 г. княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) была назначена директором Петербургской академии наук. Впервые не только в России, но и в Европе высшее научное учреждение страны возглавила женщина. Когда на следующий день ее предшественник на посту директора попытался дать ей наставления о ее обязанностях, то она остановила его и твердо заявила: «...первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии и беспристрастие к ее членам, таланты которых будут служить единственным мериллом для моего уважения (курсив мой. — Г. С.)» [Дашкова, 1987, с. 153]. Это было первое программное заявление нового директора, которому она старалась всегда следовать.

Конференц-секретарь академик И. А. Эйлер в письме швейцарскому естествоиспытателю, философу и почетному члену Петербургской академии Шарлю Бонне, не скрывая радости, писал 4 (15) июля 1783 г.: «Это было в конце января месяца, когда наша любезная властительница, наконец, услышала наши чаяния и уволила деспота, который уже слишком давно тиранил Академию. Но что завершило ее доброе дело и удвоило наше счастье, это было назначение госпожи княгини Дашковой нашим директором. После этого эпохального события наша Академия полностью изменила свое лицо: угнетенная, какой была, она вновь обрела все свободы, необходимые для ее расцвета» [Мументалер, 2009, с. 105].

Княгиня Дашкова — дочь графа Р. И. Воронцова, крестница императрицы Елизаветы Петровны и великого князя, впоследствии императора, Петра III, родилась в Петербурге 17 (28) марта 1743 г. Воспитывалась в семье канцлера Российской империи графа М. И. Воронцова, получила хорошее домашнее образование (свободно владела четырьмя языками, играла на фортепьяно, пела и рисовала). Дашкова рано пристрастилась к чтению французской просветительской литературы. Ее любимыми авторами были Монтескье, Вольтер, Гельвеций. Когда ей исполнилось 16 лет, ее собственная библиотека насчитывала 900 томов, так как почти все карманные деньги она употребляла на приобретение книг. Зимой 1758–1759 гг. была представлена великой княгине Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине II. Эта встреча положила начало их дружбе, правда, впоследствии далеко не прочной и изобиловавшей многочисленными недоразумениями. В феврале 1759 г. она вышла замуж за князя М. И. Дашкова, в 21 год осталась вдовой с двумя детьми. Княгиня была одной из активных участниц дворцового переворота 1762 г., в ходе которого Петр III был низложен и на престол взошла Екатерина II. Как и другие участники дворцового переворота, она получила от новой императрицы щедрое вознаграждение — 24000 руб., орден св. Екатерины и высший придворный чин статс-дамы. Однако Дашкова преувеличивала свою роль в этих событиях, что привело к охлаждению отношений с Екатериной II. С 1769–1772 гг. и с 1776–1782 гг. Дашкова путешествовала по Западной Европе. Она побывала в Англии, Германии, Голландии, Швейцарии, Австрии и Франции. В июне 1782 г. Дашкова вернулась в Петербург. Оценив ум, образованность, неуемную энергию, организаторские способности, международный

авторитет княгини и, конечно, ее преданность, Екатерина назначила ее директором Академии. Осуществляя это назначение, императрица, безусловно, руководствовалась соображениями пользы дела [Смагина, 2006; Тычинина, 2002].

30 января 1783 г. состоялось первое заседание конференции Академии наук под председательством Е. Р. Дашковой. Княгиня попросила знаменитого математика и старейшего академика Леонарда Эйлера ввести ее в зал заседаний. Свою вступительную речь она произнесла на французском языке и стоя. Она обещала ознакомить императрицу с заслугами каждого академика в отдельности и с пользой, какую Академия в целом приносит империи; выразила надежду, что благодаря их объединенным усилиям «науки не будут отныне бесплодно пребывать на здешней почве; но, прижившись, оные пустят глубокие корни и будут процветать, находясь под покровительством великой монархини, почитающей науки». От имени присутствующих конференц-секретарь И. А. Эйлер приветствовал нового директора и, преисполненный восхищения, отметил, что «чувства сии служат предвещением счастливого для сей Академии будущего» [Протоколы, 1900, с. 647].

Российские и европейские ученые с воодушевлением встретили известие о назначении Дашковой директором Петербургской академии. Сообщения об этом назначении были напечатаны во многих европейских газетах и журналах.

Предшественником княгини Дашковой на посту директора Петербургской академии наук был С. Г. Домашнев. Он стал вторым чиновником, назначенным на пост директора после введения этой должности. 6 октября 1766 г. Екатерина II подписала указ об учреждении в Академии наук новой должности, которая не была предусмотрена Уставом Академии — должности директора, и назначила на этот пост В. Г. Орлова, младшего брата своего фаворита<sup>1</sup>.

Введение новой должности было вынужденной мерой: у Академии практически не было руководителя, хотя формально он значился. Президентом Академии в это время считался граф К. Г. Разумовский, назначенный на эту должность 21 мая 1746 г. еще Елизаветой Петровной. Поначалу юный президент (в год назначения ему исполнилось 18 лет) пытался разобраться в массе накопившихся проблем, но светский образ жизни, частые отлучки из столицы, а в 1765 г. он уехал за границу и более никакого участия в делах Академии не принимал, хотя до 19 апреля 1798 г., т. е. более пятидесяти лет, числился президентом Академии наук.

### Административная деятельность

Е. Р. Дашкова пришла в Академию в критическое время: у Академии было множество долгов — она задолжала книготорговцам, издательствам, не платила жалованье академикам и другим сотрудникам, не могла в должной мере проводить научные исследования и пр. Книги и карты, изданные в Академии, продавались по слишком высокой цене и поэтому оставались лежать в магазинах. Не было каталога этих книг и карт, так что читатели не знали, что имеется в книжной лавке. Требовалось привести в порядок многочисленные коллекции, хранившиеся в Академии, библиотеку, архив, типографию, позаботиться об академической гимназии, о подборе новых

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 17. № 12 750. С. 1015–1016.

академиков и т. д. По словам княгини, она «очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся» [Дашкова, 1987, с. 144].

Уже в первые годы своего директорства ей удалось так организовать работу и принять такие меры, которые позволили не только расплатиться с долгами, но и сэкономить большую сумму денег. Был напечатан каталог имевшихся академических изданий, снижены цены на печатавшиеся Академией книги и карты, и они разошлись в большом количестве.

Петербургская Академия наук жила в это время по «Регламенту», утвержденному 24 июня 1747 г. Елизаветой Петровой. Не реже раза в неделю проходили собрания академиков и адъюнктов, так называемые конференции, на которых докладывались и обсуждались научные и научно-организационные вопросы. Ведение протоколов (они велись в то время на французском языке) возлагалось на конференц-секретаря, который должен был также ведать ученой корреспонденцией. Конференц-секретарем в период директорства Дашковой был сын знаменитого математика Леонарда Эйлера академик И. А. Эйлер, который занимал эту должность с 1769 по 1800 г. Княгиня участвовала в работе академического собрания, например в 1783 г. из 76 научных заседаний она присутствовала на 12 [Протоколы, 1900, с. 648–718]. В последующие годы она заметно реже посещала заседания конференции. Но из протоколов явствует, что все обсуждаемые вопросы оговаривались ею заранее с конференц-секретарем, и он доносил до присутствующих то или иное мнение директора. Нередко свою точку зрения по тому или иному вопросу княгиня высказывала письменно. Эти записки (написанные на французском языке) сохранились в протокольных бумагах в СПФ АРАН.

С момента вступления в должность директора основное организационно-хозяйственное и финансовое руководство Академией Дашкова осуществляет через канцелярию. Она, как видно из документов, приезжала в канцелярию в 9 часов утра, читала рапорты, прошения, текущие бумаги, давала распоряжения, которые записывались в журнал канцелярии. Например, с февраля по октябрь 1783 г. она 24 раза приезжала в Академию, было отдано 1414 распоряжений<sup>2</sup>. В 1784 г. отмечено 11 посещений, отдано 926 распоряжений, из них 747 подписано Дашковой. Исключение составили распоряжения с 24 мая по 13 сентября 1784 г., когда директор отсутствовала в Санкт-Петербурге, и делами занимались ее помощники.

Е. Р. Дашкова как опытный администратор прекрасно понимала, что «никакая общественная служба не может обойтись без соревнования и отличия». Княгиня старалась внимательно относиться к своим подчиненным и, «усердствуя воздать справедливость отличным способностям и рачению к службе», неоднократно обращалась к Екатерине II с просьбой о повышении в чинах сотрудников Академии.

С первых дней своего пребывания в Академии Дашкова ввела «наистрожайшую экономию во всех частях Академии». «Отныне наша общая обязанность, — сказала Екатерина Романовна, приветствуя сотрудников академической канцелярии, — навести порядок, а самый действенный способ для достижения результата — ничего не присваивать и не расточать из того, что принадлежит Академии: я твердо решила не пользоваться ничем для себя и, конечно, не позволю этого своим подчиненным. Таким образом, самое лучшее для каждого из нас — воздержаться от какой-либо предприимчивости в свою пользу» [Дашкова, 1987, с. 155]. Княгиня была требова-

тельна к себе и своим сотрудникам, наказывала тех, кто недобросовестно выполнял ее распоряжения или тратил лишние деньги.

Е. Р. Дашкова использовала любые возможности для увеличения академических средств: сдавала помещения внаем, проводила продуманную книготорговую политику, выполняла в академической типографии печатные заказы различных государственных ведомств и частных лиц и многое другое. Она аккуратно представляла на рассмотрение Екатерины II ежемесячные отчеты о расходовании денег и «имела удовольствие видеть удивление императрицы по поводу успешного роста доходов» [Дашкова, 1987, с. 159]. Впервые в истории Академии наук по инициативе Дашковой на средства, которые ей удалось сохранить, заработать и сэкономить, были основаны три благотворительных фонда. Первый — предназначался для оплаты русских академиков, читавших летом публичные лекции [Смагина, 1996б]. Вторым — пошел на развитие академической гимназии<sup>3</sup>. Но, пожалуй, самым удивительным было создание пенсионного фонда.

Что представляла собой Петербургская академия наук во времена Дашковой? Сохранилась «Ведомость имп. Академии наук о числе находящихся под ведением ее разных чинов и званий людей, о их женах и детях, крепостных и наемных служителях, також о их жительстве», составленная в декабре 1789 г.<sup>4</sup> Согласно этой «Ведомости», в Академии наук значится 353 чел., из них 17 чел. (5%) — академики и адъюнкты, 130 (37%) — студенты, гимназисты и ученики, обучающиеся различным художествам. Оставшиеся 206 чел. (58%) — те, кого обычно называют «обслуживающим персоналом»: канцеляристы, архивариусы, копиисты, переводчики, солдаты, сторожа и другие. Из них 86 чел. — работники типографии. Любопытно отметить, что из 353 чел. в казенном академическом доме живут 228, снимают квартиры — 92, владеют собственными домами — 33 чел. Из 353 академических сотрудников жены только 143.

Крупным предприятием, главным действующим лицом в котором была Дашкова, явилось строительство нового здания Академии наук. О необходимости его постройки говорилось в Академии уже давно, но лишь с приходом княгини смогли приступить к строительству. Оно началось на свободном участке, между монументальными постройками первой половины XVIII в. — Кунсткамерой и зданием Двенадцати коллегий. Архитектор Джакомо Кваренги (1744–1817) спроектировал здание Академии свободно стоящим объектом, обращенным главным фасадом к Большой Неве. В СПФ АРАН хранится множество документов, рассказывающих о строительстве здания и свидетельствующих о постоянном контроле со стороны княгини за работой и расходованием средств. И это, безусловно, способствовало работе, но активное вмешательство в архитектурную часть проекта, желание придать большую нарядность облику здания породило конфликт с архитектором. К сожалению, им не удалось преодолеть разногласия, и Кваренги был вынужден оставить строительство. Но здание, несмотря ни на что, было построено и до сих пор украшает Стрелку Васильевского острова в Петербурге. Сейчас здесь размещается Санкт-Петербургский научный центр РАН.

Дашкова живо интересовалась состоянием Минералогического кабинета, который ей обязан множеством драгоценных приобретений и подарков. При ней была

<sup>3</sup> ПСЗ. Т. 23. № 16 841. С. 116.

<sup>4</sup> СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 21. Л. 3–4.

<sup>2</sup> Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 554, 555.

завершена работа по реставрации Готторпского глобуса, приобретено оборудование для Физического кабинета, обсерватории, типографии, реконструирован ботанический сад, значительно расширился фонд библиотеки и Кунсткамеры, создан переводческий департамент и многое другое.

### Вотум доверия

Неприятный случай противостояния директора и академиков произошел в феврал-марте 1784 г. Поводом к нему послужило поведение адъюнкта В. Ф. Зуева, который не представил к назначенному сроку материалы своего путешествия на юг России. Задержка произошла из-за того, что молодой ученый, без ведома княгини, был привлечен к преподавательской деятельности в Комиссии об учреждении народных училищ<sup>5</sup> [Смагина, 1996а, с. 87–151]. Когда сведения об этом дошли до княгини, она представила это дело как злостное нарушение Зуевым служебного долга и исключила его из академической службы, приписав собственноручно в распоряжении: «хотя с сожалением, но для примера другим»<sup>6</sup>. Этим же распоряжением по Академии вводилось новое правило, которое распространялось на адъюнктов, переводчиков и всех служащих при Академии, «чтобы они ни с каким другим местом не входили в какие бы то ни были обстоятельства, не взяв прежде на то позволения от директора, и сие да будет неременным правилом».

Распоряжение директора показалось академикам слишком суровым, и они попросили ее смягчить свой приговор. Однако Дашкова не согласилась отменить свое распоряжение. Тогда за Зуева вступился его научный руководитель академик П. С. Паллас. «Поскольку господин Зуев, — сказал Паллас на заседании конференции, — является моим адъюнктом по классу физики и часто советуется со мною по поводу своих работ, я свидетельствую, что он никогда не был недобросовестен ни в рачении в науке, ни в успехах, в течение всего времени его службы в Академии в качестве адъюнкта» [Райков, 1955, с. 194]. После своего выступления Паллас предложил академикам ответить путем голосования на вопрос: выполнял ли Зуев все обязанности адъюнкта. Но ученые не пожелали обсуждать этот вопрос. Паллас, убедившись, что от Академии ждать нечего, обратился прямо к Екатерине II. Императрица дипломатично решила этот вопрос, подписав 4 марта 1784 г. именной указ княгине Дашковой «О нечинении препятствия и затруднения профессорам, академикам и адъюнктам, если они употреблены будут от Комиссии об училищах, для дел ей порученных»<sup>7</sup>. В указе не было названо ни одного имени, но смысл указа был совершенно ясен: изгнанный адъюнкт Зуев должен быть восстановлен в Академии.

На заседании конференции 15 марта Паллас сообщил академикам об указе императрицы и высказал надежду, что «ее сиятельство княгиня Дашкова соизволит теперь вернуть Зуеву его место в Академии» [Протоколы, 1900, с. 729].

Следующее заседание Конференции 18 марта было необычайно бурным и занимает особое место в истории Академии наук. Дашкова поручила конферен-

<sup>5</sup> Комиссия об учреждении народных училищ была создана Екатериной II 7 сентября 1782 года для подготовки и проведения школьной реформы.

<sup>6</sup> СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 556. Л. 153–153об.

<sup>7</sup> ПСЗ. Т. 22. № 15 948. С. 61.

секретарю И. А. Эйлеру, как это случалось неоднократно, сделать от ее имени заявление, что она была очень удивлена поведением Палласа и тем, что он вздумал толковать указ, данный ей императрицей, и придал этому указу смысл, которого там нет. Далее Эйлер по поручению княгини заявил, что по ее сведениям Паллас распространяет по городу слухи, будто бы академики недовольны своим директором. «В соответствии с этим, — сказал секретарь, — княгиня желает, чтобы господа академики в сегодняшнем заседании точно объявили, действительно ли они недовольны ее особой и ее правлением» [Протоколы, 1900, с. 729–730]. Иными словами, княгиня предложила провести голосование о доверии директору. Это уникальный эпизод, подобного которому в Академии наук не было ни до, ни после директорства Дашковой.

Судя по протоколу, на заседании присутствовало 13 человек, из них 11 — проголосовали за доверие госпоже директору и объявили, что у них нет ни малейшего повода выражать недовольство княгиней Дашковой, правление которой столь же благотворно для них самих, как и для прогресса науки вообще. Два академика выразили несогласие с мнением большинства и проголосовали против. Это были П. С. Паллас и А. И. Лексель. Паллас объявил, что недоволен историей с Зуевым, а Лексель — тем, что ему не увеличили жалование<sup>8</sup>. Завершая это заседание, секретарь объявил, что княгиня решила восстановить Зуева в Академии. Конечно, после указа Екатерины II она не могла поступить по-другому. Трудно сказать, как бы закончилась история с Зуевым, если бы не энергичное вмешательство Палласа, которое вызвало нескрываемое раздражение у княгини.

На следующем заседании Эйлер зачитал письмо Дашковой, в котором она благодарила академиков за доверие. «Господа, хочу сообщить господам Вашим коллегам, сколь я польщена тем, что после 14 месяцев, в течение коих я имею честь руководить Академией, случившееся в понедельник показывает, что, за исключением г-на Палласа, все академики засвидетельствовали свое удовлетворение тем, как я отправляю свои обязанности. Никогда не забуду лестные и похвальные слова, отнесенные господами академиками на мой счет. Сие свидетельство их высокой оценки мне тем более лестно, что лишь к этому я стремлюсь, исполняя возложенные на меня обязанности» [Протоколы, 1900, с. 734].

### Госпожа директор и ученые

Придя в Академию, Дашкова старалась создать благоприятные условия для работы ученых и позже вспоминала, что «каждый из них мог заниматься своей наукой совершенно свободно, не встречая с моей стороны никаких препятствий; со своими делами они обращались прямо ко мне и получали быстрое их разрешение, не подчиняясь канцелярской волоките, пугавшей некоторых из них» [Дашкова, 1987, с. 311].

Большое значение для научной деятельности Академии имело постоянное внимание Дашковой к результатам научных исследований и, как следствие, повышение ученых в научных званиях. Она назначила академиками П. Б. Иноходцева, И. Г. Георги, Ф. И. Германа, Т. И. Ловица, Н. И. Фусса и др. Адъюнктами при ней стали М. М. Плацман, Я. Д. Захаров, А. К. Кононов и В. М. Севергин. Трое последних

<sup>8</sup> Академик А. И. Лексель получил прибавку к жалованию на следующий день.

молодых ученых были предметом особого внимания княгини. Именно Дашкова в свое время отобрала их для отправки в Геттингенский университет, где они успешно прошли курс обучения. По возвращении в Россию все трое блестяще выдержали экзамены и были назначены адъюнктами, а через несколько лет они стали академиками. Дашкова стремилась улучшить и материальное положение ученых. Они стали получать прибавки к жалованию.

Большое значение в XVIII в. имело социальное положение, которое определялось чином в соответствии с петровской «Табелью о рангах». Академики и служащие при Академии не были включены в «Табель о рангах», так как Академия наук была создана после появления этого документа.

Способы получения чинов в России для ученых были различные. Например, Я. Штели и Паллас получили чины при дворе за преподавание наук великим князьям и исполнение различных поручений<sup>9</sup>. Известно, что М. В. Ломоносов для получения чина прибегал к посредничеству своих высокопоставленных покровителей, в 1751 г. он был удостоен чина коллежского советника (6-й класс по «Табели о рангах»), в 1763 г. — статского советника (5-й класс). Г. Ф. Миллер и Ф. У. Т. Эпинус приобрели свои чины по ходатайству других государственных учреждений, в которых служили, что называется, по совместительству. И лишь по представлению Дашковой С. К. Котельников (1780), И. И. Лепехин (1780), А. П. Протасов (1779) и С. Я. Румовский (1778) получили свой чин надворного советника (7-й класс) за научные труды<sup>10</sup>. Чины получали далеко не все члены Академии. Никакого чина не имел великий Леонард Эйлер, хотя просил об этом в 1766 г. Княгиня старалась продвигать по служебной лестнице академиков, уже имевших чины. 21 мая 1788 г. Румовский из 7-го класса по «Табели о рангах» был переведен в 6-й класс, т. е. удостоился чина коллежского советника<sup>11</sup> и т. д. Таким образом, деятели науки стали обретать свое место в чиновничьей иерархии российской империи. А это укрепляло их социальный статус и материальное положение.

Во времена директорства княгини Дашковой ученые впервые стали получать государственные награды. Первым из академиков был награжден Эпинус. 6 августа 1783 г. ему был пожалован орден святой Анны. Ходатайство к награждению обычно составлялось самой Дашковой. В нем она просила Правительствующий Сенат «достойного удостоить награды». Ученых обычно награждали орденом Св. Владимира четвертой степени и Св. Анны второй степени. Из 112 действительных членов (академики и адъюнкты) Петербургской академии наук в XVIII в. государственными наградами были отмечены 15 академиков, что составляет 13% от общего состава Академии того времени. Причем четверо ученых были награждены дважды. Это — В. Л. Крафт, П. Б. Иноходцев, Н. Я. Озерецковский и П. С. Паллас. Практически через 60 лет после учреждения Академии наук ученые были удостоены первых государственных наград [Смагина, 2006б].

Истинным стремлением к развитию науки и образования, сохранению академических традиций пронизана вся деятельность директора Академии наук княгини Дашковой. Она была в курсе всего, что происходило в Академии, без ее ведома и со-

<sup>9</sup> СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2. Л. 78.

<sup>10</sup> СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1—К. Д. 51. Л. 12; Оп. 1—Л. Д. 20. Л. 1; Оп. 1—П. Д. 32. Л. 33; Оп. 1—Р. Д. 24. Л. 46.

<sup>11</sup> Там же. Р. V. Оп. 1—Р. Д. 24. Л. 46.

гласия не принималось ни одно решение. Она не проводила какие-то радикальные преобразования, а старалась использовать то положительное, что уже было накоплено традициями академической жизни. Княгиня нередко выступала с инициативами в управлении академической деятельностью, стараясь не оставлять без внимания ни одного прошения, хотя и не всегда принятые ею решения находили понимание. Каких только вопросов ей не приходилось решать, на какие мелочи обращать внимание! И все для того, чтобы достичь главного — создать в Академии благоприятные условия для творческой работы. Но при самом внимательном отношении к членам Академии княгиня практически всегда предъявляла к ним достаточно высокие требования, строго следила за соблюдением установленных ею порядка и правил. Особенно непримиримо она реагировала на действия ученых и сотрудников Академии, когда они игнорировали по той или иной причине ее распоряжения или принимали решения без ее участия. В частности, она резко отчитала механика И. П. Кулибина за то, что он, минуя ее, в декабре 1791 г. обратился к Екатерине II с просьбой о повышении жалования и предоставлении казенной квартиры [Раскин, 1986, с. 85]. А так как прошение Кулибина передал императрице его покровитель Г. Р. Державин, Дашкова поссорилась и с ним.

30 сентября 1784 г. на заседании академической конференции было решено, что никакой адъюнкт не представляет самостоятельно в Академию свои научные сочинения без рецензирования их академиками соответствующей специальности и что академик, одобрявший работу адъюнкта, должен за нее отвечать так же, как за свою собственную [Протоколы, 1900, с. 771].

Дашкова не одобрила предложений академиков и достаточно резко, с пониманием существа вопроса выступила в защиту начинающих ученых, считая подобную меру нарушением прав ученого. «...Слава, — писала Екатерина Романовна 4 октября 1784 г., — часто бывает единственной наградой для труженика науки: зачем же посягать на его достояние? Пусть все знают о его открытии и оценят оное по справедливости; если же какое-либо научное открытие сообщено в мемуаре адъюнкта, прошедшем через руки профессора, то весьма возможно предположение о постороннем участии, умаляющим заслугу автора, в особенности, если молодой ученый успел нажить себе завистливых недоброжелателей» [Протоколы, 1900, с. 772].

Пониманием места науки в обществе, стремлением направить достижения российской науки на нужды страны пронизана и другая инициатива княгини. 16 февраля 1786 г. она передала конференции, что не возражает против сообщения петербургскими учеными иностранным коллегам о своих занятиях, открытиях и наблюдениях. Однако она считает, что вначале Академия сама должна использовать и опубликовать эти материалы, чтобы утвердить свой приоритет [Протоколы, 1911, с. 11].

Княгиня Дашкова смогла понять значение М. В. Ломоносова в истории русской культуры и инициировала проведение в Академии ряда начинаний по сохранению памяти Ломоносова и распространению знаний о нем: было подготовлено и издано первое академическое собрание сочинений в 6 томах (СПб., 1784—1787), создана достаточно полная для того времени биография ученого, началось изучение его эпистолярного наследия, художник Л. С. Миропольский, по ее распоряжению, создал для конференц-зала Академии один из лучших портретов Ломоносова [Смагина, 2011].

Дашкова ревностно оберегала достоинство Академии наук. В годы ее директорства не замечено грубого вмешательства в академические дела, как это случалось до и после нее.

### Издательская деятельность

С приходом Е. Р. Дашковой в Академию родилась новая, четвертая серия главного печатного органа Петербургской академии наук — «Nova Acta Academiae Imperialis Petropolitanae». При этом было решено печатать только один том в год, объемом примерно 58–64 печатных листа, но с более сжатой печатью и немного большего формата, чем предыдущие тома. В этой серии всего вышло 15 томов, при подготовке каждого Дашкова внимательно просматривала все материалы, чтобы «не проскользнули статьи, которые могут составить стыд Академии» [Протоколы, 1900, с. 323].

Вторым изданием на латинском языке выходит в свет фундаментальное сочинение великого Л. Эйлера «Интегральное исчисление» (Т. 1–3. СПб., 1-е изд. — 1768–1769; 2-е изд. — 1794). Печатается второе издание «Описания земли Камчатки» (СПб., 1786) естествоиспытателя и путешественника С. П. Крашенинникова. Продолжают издаваться «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства» И. И. Лепехина (Ч. 1–4. СПб., 1771–1805). Начинают печатать многотомный перевод труда французского естествоиспытателя Ж. Л. Бюффона «Всеобщая и частная естественная история» (Ч. 1–10. СПб., 1789–1808). В это время издается знаменитая книга И. Г. Георги «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга» в двух томах, сначала на немецком языке (St. Petersburg, 1790) и на русском (СПб., 1794) и т. д.

В годы директорства Е. Р. Дашковой издается книга, появление которой стало знаменательным событием в истории науки и просвещения. Речь идет о «Письмах о разных физических и философических материях, написанных к некоторой немецкой принцессе» Л. Эйлера. Доступность и понятность в изложении материала обеспечили удивительный успех этой книге. В течение XVIII в. «Письма» переиздавались в России четырежды и были переведены на многие европейские языки<sup>12</sup>.

Особо хотелось бы отметить заботу Дашковой об издании трудов скончавшихся ученых. Конечно, основная тяжесть по подготовке таких сочинений ложится на плечи тех, кто непосредственно работает с дневниками, коллекциями, записками. Но ученые всегда заняты своими исследованиями, и если бы не постоянное внимание и настойчивость, проявленные Дашковой к таким работам, если бы не ее многочисленные напоминания и просьбы, в какой-то мере даже угрозы, возможно, не были бы изданы три тома сочинений шведского естествоиспытателя, руководителя академической экспедиции в Оренбургский край И. П. Фалька, подготовленные академиком Георги (Falk J. P. *Beyträge zur topographischer Kenntniss des Russischen Reichs*. St. Petersburg. 1785–1786) и два тома трудов академика, естествоиспытателя, путешественника И. А. Гильденштедта (1745–1781), подготовленные

<sup>12</sup> В СПбФ ИИЕТ РАН был подготовлен и издан новый перевод этой книги. См.: Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философических материях / подгот. к публ. Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, М. А. Бобович. СПб.: Наука, 2001.

академиком Палласом (Güldenstädt J. A. *Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge*. St. Petersburg. 1787–1791).

С именем княгини связано основание трех периодических изданий: «Собеседник любителей русского слова» выходил в 1783–1784 гг., издано 16 частей; «Новые ежемесячные сочинения» — в 1786–1796 гг., увидела свет 121 часть; «Российский феатр» — в 1786–1794 гг., всего издано 43 части. После ухода Дашковой из Академии все журнальные проекты пришли в упадок и прекратились.

В 1786 г. была выпущена «Новая карта Российской империи», а в последующие годы создано и напечатано около 20 карт отдельных губерний.

### Учебно-просветительская деятельность

Важной стороной деятельности Академии наук всегда было обучение подрастающего поколения. К моменту прихода Дашковой в Академии не существовало университета и едва теплилась жизнь в академической гимназии. Дашкова обратила особое внимание на улучшение состояния гимназии. Она заботилась как о постановке преподавания, так и о здоровье, питании и одежде учеников. Для поощрения молодых людей и возбуждения соревнования между ними княгиня установила два экзамена в год с наградами лучших учеников книгами.

В обращении 13 декабря 1783 г. к генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому о выделении дополнительных средств для Академии наук Дашкова четко определяла предназначение гимназии: «Академической гимназии главный предмет и польза состоит в том, чтобы воспитывать и обучать юношей так, чтобы некоторые из них к высшим наукам способные могли сделаться в Академии наук профессорами, а другие по знаниям и дарованиям своим могли бы быть выпускаемы к определению в гражданскую службу, за что я ожидала что правительство некоторым образом обязанными Академии сочтутся»<sup>13</sup>.

Академической гимназией с 1777 по 1794 г., т. е. в течение 15 лет, руководил выпускник академических учебных заведений, студент Страсбургского университета, академик по классу ботаники, один из виднейших ученых XVIII в. академик И. И. Лепехин. Дашкова была довольна его деятельностью, неоднократно повышала ему жалованье, а по его представлению — и учителям гимназии.

Самых способных воспитанников гимназии Дашкова послала для продолжения образования в Геттингенский университет, который был излюбленным местом пребывания русских студентов. В 1785 г. Академия командировала в Геттинген четырех студентов Севергина, Захарова, Кононова и Павлова. Выбор Дашковой студентов и университета более чем оправдал все ожидания — трое из них впоследствии стали академиками.

К числу крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е. Р. Дашковой в Академии наук, следует отнести организацию общедоступных публичных лекций. В течение 18 лет (1785–1802) по инициативе княгини петербургское общество имело возможность бесплатно пользоваться «публичными наставлениями» по разным отраслям знаний — математике, физике, химии, минералогии и естественной истории. Академические лекции читались в летнее время — с мая

<sup>13</sup> Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6514. Л. 125–126.

по сентябрь — по два часа два раза в неделю. О них заранее сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» с указанием содержания, дня, часа и места чтения; специально отпечатанные объявления рассылались во все учебные заведения Петербурга и расклеивались на улицах города. С лекциями выступали почти все русские академики и адъюнкты. Эти чтения были ярким элементом культурной жизни Санкт-Петербурга и собирали большую аудиторию, так как читались по-русски. Публичные лекции читались и в европейских академиях. Особое значение они имели в Баварской и Шведской академиях наук, так как ни в Мюнхене, ни в Стокгольме в то время не было университетов, но нигде они не приобрели такого масштаба и не были так регулярны, как в Петербургской академии [Смагина, 1996б].

Идеями Просвещения пронизана публицистическая и журналистская деятельность Дашковой. Ее взгляды на вопросы воспитания вписываются в духовную атмосферу эпохи Просвещения. Основной тезис ее концепции воспитания состоит в том, что единственным источником благополучия человека и общества является добродетель, т. е. «то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям, полезным нам самим, ближним нашим и обществу» [Дашкова, 2001, с. 127].

Она стремилась пробудить в русском обществе самосознание, уважение к своей стране, к своему народу, к умственному и нравственному достоинству человека. Патриотическими устремлениями пронизаны многие ее сочинения. «Любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель», — неоднократно повторяла княгиня [Дашкова, 2001, с. 119, 165].

### Российская академия

Наряду с постом директора Петербургской Академии наук Е. Р. Дашкова с 30 сентября 1783 г. занимала пост президента учрежденной по ее же замыслу Российской Академии. Подобные академии существовали и в других странах, например во Франции и Швеции, и занимались, главным образом, составлением словарей отечественного языка. Дашкова смогла привлечь к работе в Российской академии практически всех российских академиков и просвещенных людей того времени. По ее инициативе начались работы по созданию словаря русского языка, она была руководителем и участником всех работ. Она сама собрала более 700 слов на буквы Ц, Ш, Щ и трудилась над толкованием смысла слов, обозначающих нравственные качества

«Словарь Академии Российской» в 6 томах вышел в 1789–1794 гг. В словаре зафиксировано 43 254 слова<sup>14</sup>. Словарь был создан за сравнительно короткий срок — 11 лет, в то время как над «Словарем Флорентийской академии» работали 39 лет, а Французская академия издала свой словарь через 59 лет. Впоследствии академический словарь назовут «исполином». О нем с восторгом писали Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин [Файнштейн, 2002].

<sup>14</sup> В 2001–2006 гг. Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой успешно осуществил переиздание «Словаря Российской Академии. 1789–1794» в шести томах.

### Международные связи

Возглавляемая Е. Р. Дашковой Академия наук расширяет свои связи как внутри России, так и за пределами ее, принимая в число иностранных почетных членов крупнейших европейских ученых. Со многими из них Екатерина Романовна была хорошо знакома. За годы ее директорства иностранными членами Петербургской Академии были избраны 47 ученых, что составило 25 % от всех избранных в XVIII в. По «Регламенту» Академии наук 1747 г. право предлагать кандидатуру члена Академии и утверждать после обсуждения на академической конференции, было предоставлено президенту. С введением должности директора Академии это право перешло к нему. В 1783 г. на первом заседании конференции, на котором присутствовала княгиня, иностранными членами академии были избраны историк и ректор Эдинбургского университета В. Робертсон и профессор химии того же университета Д. Блэк, в 1784 г. — биолог из Дании И. Г. Кениг, в 1785 г. — математик из Германии А. Г. Кестнер, в 1789 г. — физик из США Б. Франклин, в 1794 г. — философ из Германии И. Кант и др.

Первый случай в истории Петербургской академии исключения из числа иностранных почетных членов<sup>15</sup> произошел 6 сентября 1792 г., когда по распоряжению Екатерины II философ и математик, неприменный секретарь Парижской академии наук Ж. А. Кондорсе был исключен как один из видных деятелей французской революции, участник суда над королем Людовиком XVI [Лемонис, 2000, с. 798].

Свидетельством широкого признания деятельности Е. Р. Дашковой как организатора науки и ученого стало избрание ее иностранным членом трех академий и трёх научных обществ. Дашкова была избрана почетным членом Шведской (1783), Ирландской (1791) королевских академий и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1789), Американского философского общества в Филадельфии (1789), Берлинского общества любителей естествознания (1785) и Земледельческого общества курфюршества Брауншвейг-Люнебургского (1794).

\* \* \*

В 90-е годы отношения Е. Р. Дашковой и Екатерины II носили сложный характер. Императрица была недовольна то причастностью княгини к изданию книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», то ее разрешением на публикацию в журнале «Российский феатр» трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». По приказанию императрицы трагедия Княжнина была сожжена.

5 августа 1794 г. Екатерина Романовна подает прошение об увольнении от должности директора Академии наук, ссылаясь на потребность в отпуске и «расстроенное свое состояние»<sup>16</sup>. К прошению прилагается «Рапорт об экономическом положении Академии наук за 1783–1794 годы» и называется сумма прибыли — 526 118 руб. 13 коп.<sup>17</sup> Это большая сумма.

<sup>15</sup> Ж. А. Кондорсе был избран почетным членом Петербургской академии наук 23 декабря 1786 г.

<sup>16</sup> СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1794. 14 августа. Л. 2–2 об.

<sup>17</sup> Там же. Л. 6–7.

Формально императрица отпускала Дашкову в отпуск с сохранением за ней должности директора и жалования, но фактически это была отставка. Российская академия еще оставалась в ведении Екатерины Романовны.

14 августа 1794 г. княгиня в последний раз приехала в Академию наук. Она вошла в конференц-зал и свое последнее выступление начала с признания, что «гордится тем, что стояла во главе Академии наук в течение двенадцати лет... что она испытывала в том истинное удовольствие, изрядно вознаграждавшееся привязанностью, которую господа академики и адъюнкты свидетельствовали ей». «После этого, — записано в протоколе заседания, — ее светлость госпожа княгиня поднялась и, трогательным образом поклонившись всей Академии, обняла, прежде чем покинуть зал конференций, каждого академика и адъюнкта в отдельности, которые в полном составе проводили ее до дверей кареты, что сопровождалось единодушными их пожеланиями доброго здоровья и благополучного возвращения» [*Протоколы*, 1911, с. 388–389].

Но возвращения не состоялось. Уже 12 ноября 1796 г., через несколько дней после кончины Екатерины II, император Павел отстранил княгиню от «управления порученных ей мест»<sup>18</sup> и отправил в ссылку, из которой она возвратилась весной 1798 г. Княгиня Дашкова умерла на шестьдесят седьмом году, 4 января 1810 г. Прах ее покоится в храме Св. Троицы в подмосковном имении Троицкое.

Об исторических лицах, особенно такого масштаба, как Е. Р. Дашкова, писать трудно. Княгиня — натура яркая, сложная и во многом противоречивая. Деятельности во главе двух академий она отдавала все свои знания и энергию. Однако ее сложный характер — прямой, резкий, бескомпромиссный — стал причиной не только ее мелких конфликтов с учеными, с ближайшим окружением императрицы, но и с самой Екатериной II, и привел в конце концов к отставке. Хотя нам известна ее жизнь довольно подробно, Екатерина Романовна все-таки остается для нас загадкой. Она вызывает глубокое уважение, и невозможно не проникнуться к ней искренней симпатией.

В 1993 г., когда отмечалось 250-летие со дня рождения княгини Е. Р. Дашковой, в здании, к которому Е. Р. Дашкова имела непосредственное отношение, — Санкт-Петербургского научного центра РАН, был установлен скульптурный портрет Е. Р. Дашковой, созданный скульптором И. А. Сурским. Так признательные потомки увековечили память этой выдающейся женщины — одного из самых деятельных организаторов российской науки.

## Литература

- Дашкова Е. Р.* Записки. М.: МГУ, 1987. 493 с.
- Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 460 с.
- Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. 994 с.
- Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. (СПб.: Нестор-История, 2009. 236 с.).

<sup>18</sup> Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 184. Л. 36.

Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803. Т. 3. СПб.: Тип. ИАН, 1900. 970 с.; Т. 4. 1911. 1185 с.

*Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1955. 351 с.

*Раскин Н. М. И. П.* Кулибин. Л.: Наука, 1986. 300 с.

*Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996а. 165 с.

*Смагина Г. И.* Княгиня и ученый: Е. Р. Дашкова и М. В. Ломоносов. СПб.: Росток, 2011. 416 с.

*Смагина Г. И.* Первые ордена петербургских академиков // Вопросы истории естествознания и техники. 2006б. № 3. С. 131–138.

*Смагина Г. И.* Публичные лекции Петербургской академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996б. № 2. С. 16–26.

*Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины: очерки о жизни и деятельности директора Петербургской академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб.: Росток, 2006а. 360 с.

*Тычина Л. В.* Великая Россиянка. М.: Наука, 2002. 235 с.

*Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 220 с.

## “The First Responsibility I Have to Myself is the Glory and Prosperity of the Academy”: to the 275<sup>th</sup> Anniversary of the Director of the Academy of Sciences, Princess Ekaterina Romanovna Dashkova

*GALINA I. SMAGINA*

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,  
Russian Academy of Sciences  
St Petersburg, Russia;  
e-mail: galsmagina@yandex.ru

Abstract: An associate of Catherine II, Director of the Saint Petersburg Academy of Sciences, President of the Russian Academy, Princess Ekaterina Romanovna Dashkova (1743–1810) is one of the most outstanding women in Russia of the 18th century. She headed the main academic institution of the country, the Saint Petersburg Academy of Sciences, for almost 12 years. The article is devoted to the most active and creative period of the state and public activities of the princess. On the basis of new archival materials, it considers the principal directions of academic, organisational, educational, administrative and publishing activities of the Academy of Sciences under the direction of E. R. Dashkova. The main focus is on the cooperation of “Madame-the-Director” with academicians and statesmen of the time in respect of academic issues. Princess Dashkova is shown to contribute to the creation of favourable working conditions for academicians, to constantly pay attention to the results of their research, to seek to improve their social and material situation. The article also shows that academicians began to receive state awards thanks to her activities. Inspired by E. R. Dashkova, three charitable funds were founded for the first time in the history of the Academy. It is shown that Princess Dashkova understood the significance of M. V. Lomonosov for the history of Russian culture and initiated a series of undertakings to preserve the memory of M. V. Lomonosov and to disseminate knowledge about him: the first academic collection of works was published in six volumes (St. Petersburg,



1784–1787). The artist L. S. Miropolsky created one of the best portraits of the scientist for the conference hall of the Academy, on the orders of Princess Dashkova.

**Keywords:** Princess Ekaterina Romanovna Dashkova, Saint Petersburg Academy of Sciences, director of the Academy, Russian Academy, S. G. Domashnev, J. A. Euler, vote of confidence, academic organizer.

## References

- Dashkova Ye. R.* (1987) *Zapiski* [Memoirs]. M.: MGU. 493 s. (in Russian).
- Dashkova Ye. R.* (2001) O smysle slova «vospitanie». Sochineniya, pisma, dokumenty [On the Meaning of the Word “Education”. Works, Letters, Documents] / sostavlenie, vstupitelnaya statya, primechaniya G. I. Smaginoy. SPb.: Dmitriy Bulanin. 460 s. (in Russian).
- Letopis Rossiyskoy Akademii nauk. T. 1. 1724–1802 [Chronicles of Russian Academy of Sciences. Vol. I. 1724–1802]. SPb.: Nauka, 2000. 994 s. (in Russian).
- Mumentaler R.* (2009) *Shveysarskie uchenye v Sankt-Peterburgskoy akademii nauk* [Swiss scientists in the St. Petersburg Academy of Sciences]. SPb.: Nestor-Istoriya. 236 s. (in Russian).
- Protokoly zasedaniy Konferentsii Akademii nauk s 1725 po 1803. T. 3 [Minutes of the Meetings of the Conference of the Academy of Sciences from 1725 to 1803. Vol. 3]. SPb. Tip. IAN, 1900. 970 s.; T. 4. 1911. 1185 s. (in Russian).
- Raykov B. Ye.* (1955) *Akademik Vasiliy Zuev* [The Academician Vasily Zuyev]. M. — L.: Izd. AN SSSR. 351 s. (in Russian).
- Raskin N. M.* (1986) I. P. Kulibin [I. P. Kulibin]. L.: Nauka. 300 s. (in Russian).
- Smagina G. I.* (1996a) *Akademiya nauk i rossiyskaya shkola* [The Academy of Sciences and the Russian School]. Vtoraya polovina XVIII v. SPb. 165 s. (in Russian).
- Smagina G. I.* (2011) *Knyaginya i uchenyy: Ye. R. Dashkova i M. V. Lomonosov* [The Princess and the scholar. Ekaterina Romanovna Dashkova and Mikhail Vasilevich Lomonosov]. SPb.: Rostok. 416 s. (in Russian).
- Smagina G. I.* (2006b) *Pervye ordena peterburgskikh akademikov* [The First Orders of the Saint Petersburg Academicians] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of History of Science and Technology]. № 3. S. 131–138 (in Russian).
- Smagina G. I.* (1996b) *Publichnye lektsii Peterburgskoy Akademii nauk vo vtoroy polovine XVIII v.* [Public Lectures of the Saint Petersburg Academy of Sciences in the Second Half of the 18th Century] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of History of Science and Technology]. № 2. S. 16–26 (in Russian).
- Smagina G. I.* (2006a) *Spodvizhnitsa Velikoy Yekateriny* [Great Catherines Associate]: ocherki o zhizni i deyatelnosti direktora Peterburgskoy Akademii nauk knyagini Yekateriny Romanovny Dashkovoy. SPb.: Rostok, 360 s. (in Russian).
- Tychinina L. V.* (2002) *Velikaya Rossiyanka* [A Great Russian Woman]. M.: Nauka. 235 s. (in Russian).
- Faynshteyn M. Sh.* (2002) “I slavu Frantsii v Rossii prevzoyti...” Rossiyskaya Akademiya (1783–1841) i razvitiye kultury i gumanitarnykh nauk [“And (to) Surpass the Glory of France in Russia...” The Russian Academy (1783–1841) and the Development of Culture]. M.; SPb.: Dmitriy Bulanin. 220 s. (in Russian).

## МИХАИЛ БОРИСОВИЧ КОНАШЕВ



доктор философских наук,  
главный научный сотрудник  
Санкт-Петербургского филиала  
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН;  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: mbkonashev@mail.ru

УДК 316.35  
DOI: 10.24411/2079-0910-2018-00002

## Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Часть 3. В зеркале энциклопедий и справочников

В третьей, заключительной части статьи представлены результаты исследования сведений об основной и наиболее активной группе лысенкоистов, которую составляли 26 человек, чаще всего публиковавшихся в журнале «Агробиология». Из тех 20 человек, чьи даты рождения известны, 6 человек родились в самом конце XIX в. (в 1895–1900 гг.), а 14 человек — в самом начале XX в. (в 1901–1910 гг.). Известно социальное происхождение лишь 6 человек: по 1 человеку родились в семье священника, сельского интеллигента, служащего, разнорабочего, и, предположительно, дворянина. В семье крестьянина родилось 2 человека. Из 17 человек, о которых есть сведения о месте их рождения, за исключением 1 человека, все родились в глухой провинции, причем большая часть, 11 из 17 человек, родилась на национальных окраинах российской империи. Высшее или среднее образование большинство из них получило в провинциальных, главным образом сельскохозяйственных учебных заведениях. Профессионально они стали научными работниками также в области сельского хозяйства: в основном это были селекционеры и физиологи растений, к тому же занимавшиеся частными вопросами и фактически не разбиравшиеся в генетике, так как во время их обучения генетика еще формировалась как наука и только начинала преподаваться. Специфика быстрого взлета их научной карьеры заключалась в том, что он происходил преимущественно через прикладные, в основном сельскохозяйственные институты УССР, Армянской, Азербайджанской и Грузинской союзных республик, и в первую очередь через Одесский селекционно-генетический институт. Тем не менее, именно эта провинциальная группа заняла господствующее положение в советской биологии и сохраняла его с 1948 по 1964 г. Эта группа не совпадает с той совокупностью лысенкоистов, которые упомянуты в критических работах о лысенкоизме, и с той основной массой лысенкоистов, которые публиковались в журнале «Агробиология» («Яровизация» в 1935–1941 гг.), но она являлась её ядром и руководящей силой, а также главным выгодополучателем.

**Ключевые слова:** лысенкоизм, образование, научные институты, общество, государство.

В предшествующей, второй части статьи [см. «Социология науки и технологий», т. 8, № 3] были представлены результаты исследования тех данных, которые содержатся в сведениях о лысенкоистах, авторов текстов, опубликованных в журнале «Агробиология». Согласно этим результатам основную и наиболее активную, не только в публикационном отношении группу лысенкоистов, составляли 26 человек, чаще всего публиковавшихся в журнале «Агробиология» [Конашев, 2017б, с. 22]. Поскольку главным редактором журнала был Т. Д. Лысенко, а в его редколлегии входили наиболее близкие к нему лица, образовывавшие руководящее ядро, своего рода неформальное лысенкоистское Политбюро, отбравшее и заказывав-